

Пресс-релиз

В 2018 году ЮНЕСКО включила имя Максима Горького в Календарь памятных дат: всемирно известному русскому классику исполняется 150 лет.

Трудно назвать другого отечественного писателя минувшего столетия, имевшего столь масштабную международную литературную славу и влияние, как Горький. Его творчество, сопоставимое с наследием таких колоссов, как Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский или А.П. Чехов, ознаменовало завершение классической традиции русской литературы века XIX-го и художественный поиск новых культурных форм и перспектив. Создатель «новой драмы», наряду с Ибсеном, Стриндбергом, Гауптманом и Чеховым, автор романтических рассказов из жизни босяков и бродяг, Горький постоянно был в поисках героя своего времени. Но не только художественный талант, но также его неустанная борьба за возвращение человеку достоинства, попорченного условиями существования, по сей день делают имя и личность Горького столь привлекательными в глазах соотечественников, зарубежных читателей и исследователей. "Недостижимая добродетель альтруизма", – так охарактеризовала главную черту творчества Горького его современница Грация Деледда, итальянская писательница, Нобелевский лауреат 1926 г., автор предисловия к первому изданию сборника рассказов Горького в Италии (1901). В условиях Первой мировой войны и набиравшего силу на этом фоне национализма, он утверждал идею многоэтничности – равноправия и самобытности национальных культур. В обстановке военных лет он осуществил подлинно гуманитарную культурную акцию, инициировав и частично осуществив публикацию серии сборников национальных литератур – армянской, грузинской, еврейской, латвийской, литовской, украинской, финской, белорусской. В 1930-х годах он стал у истоков «Сорбонны литературоведения» - Института мировой литературы, научно-исследовательского центра изучения истории русской и зарубежных литератур и фольклора и в первую очередь – литератур народов России. После смерти Горького созданный в Институте мировой литературы Академии наук Архив для сохранения творческого наследия писателя провел колоссальную работу по собиранию всех свидетельств о его жизни, всех документов его творчества. Сегодня архив А.М. Горького – самый большой в мире личный писательский архив. Среди его материалов особое место занимает горьковский эпистолярный – личная и деловая переписка, переписка с друзьями и коллегами, начинающими писателями и т.д., которую по праву можно назвать «энциклопедией русской и мировой жизни XX века».

В юбилейный для памяти писателя год Институт мировой литературы в Москве и Литературный музей Максима Богдановича в Минске при поддержке Постоянного комитета союзного государства Россия - Беларусь реализуют гуманитарный проект «Горький и Богдановичи. К 150-летию М. Горького». Проект предполагает передачу из Института мировой литературы им. А.М. Горького в Архив Литературного музея Максима

Богдановича копий 314 ед. хр. документов – многостраничных писем, адресованных выдающимся деятелем науки и культуры, писателем-мемуаристом, ученым-этнографом Адамом Егоровичем Богдановичем супруге, Александре Павловне Волжиной-Богданович, ее сестре, Екатерине Павловне Волжиной-Пешковой, жене Алексея Максимовича Горького, литературному секретарю А.М. Горького П.П. Крючкову, самому Максиму Горькому, и ответных писем адресатов Адаму Богдановичу. Этот гуманитарный проект призван на деле осуществить горьковскую идею взаимообогащения культур, развития международного научного и культурного сотрудничества, межкультурного и межнационального диалога, популяризации ценностей русской и белорусской литературы и культуры.

В рамках совместного гуманитарного проекта при поддержке Постоянного комитета союзного государства планируется юбилейное издание книги-альбома, включающего публикацию эпистолярия А.Е. Богдановича из Архива А.М. Горького ИМЛИ РАН, архивных материалов – воспоминаний о Максиме Горьком, сохранившихся в архиве Литературного музея Максима Богдановича, и уникальных архивных фотографий из запасников Музея А.М. Горького ИМЛИ РАН.

Адам Егорович Богданович (1862-1940) – белорусский этнограф, фольклорист, историк культуры, отец Максима Богдановича, классика белорусской литературы, -родился 25 марта 1862 года в местечке Холопеничи Борисовского уезда (теперь г. п. Холопеничи Крупского района), в крестьянской семье. В 1874 году закончил народное училище в Холопеничах, с 1879 по 1882 учился в Несвижской учительской семинарии, по ее окончании работал учителем в Игуменском уезде, с 1886 года – учителем в 1-м Минском приходском училище.

В 1892 году перешел на службу в Гродненское отделение Крестьянского поземельного банка. В октябре 1896 года после смерти первой жены Богданович (Мякото) Марии Афанасьевны переехал в Нижний Новгород. Работал в нижегородском отделении банка, с 1 октября 1907 года – в ярославском отделении банка.

В середине ноября 1896 года по рекомендации писателя Е.Н. Чирикова, который в то время служил в Минске, Адам Богданович знакомится с Максимом Горьким и его семьей. С М. Горьким его объединяет интерес к литературе, любовь к книге.

14 января 1897 года Адам Богданович был единственным, кто провожал М. Горького и Екатерину Павловну в Крым (для лечения писателя). По возвращении семьи Пешковых из поездки отношения возобновились, А. Богданович был частым гостем молодоженов.

Летом 1898 года, возвращаясь в Нижний Новгород с кумыса, Адам Богданович заезжает в Самару, где знакомится с Александрой Павловной Волжиной, сестрой Екатерины Павловны Пешковой, и входит в качестве друга, а потом жениха в семью Волжиных. Ее глава - Мария Александровна Волжина (1848–1939), мать Екатерины Павловны Волжиной (Пешковой) и Александры Павловны Волжиной (Богданович) к моменту знакомства с А.Е. Богдановичем овдовела. Ее муж Павел Николаевич Волжин , отец Екатерины и Александры, был сыном помещика, по специальности - ботаником-селекционером. Получил в наследство усадьбу, содержал семенное хозяйство. В 1880 году имение было продано с торгов в уплату долга одного из соседей, за которого Павел Николаевич поручился перед кредиторами. Волжин работал управляющим свеклосахарными плантациями. В 1889 году он тяжело заболел, и семья переехала в Самару. Мария Александровна занималась переписыванием бумаг и шитьем белья. В 1892 году

получила место заведующей столовой для голодающих с предоставлением квартиры и бесплатных обедов из столовой. Как и Мария Александровна, Павел Николаевич возражал против союза Екатерины Павловны и А.М. Пешкова. Чтобы отвлечь дочь от бурного романа, родители отправили ее к родственникам в Кронштадт. Павел Николаевич умер весной 1896 года, не дождавшись возвращения дочери.

Екатерина Павловна Пешкова (урожд. Волжина) (1876–1965), родилась в г. Сумы Харьковской губернии, в доме А.Л. Родионова, деда по материнской линии. С 4 класса Катя Пешкова зарабатывала уроками. После окончания гимназии в 1895 году работала корректором в «Самарской газете», где и познакомилась с Алексеем Максимовичем Пешковым. 30 августа 1896 года обвенчалась с А.М. Пешковым. В 1897 году родился сын Максим, в 1898 – дочь Катя. После рождения внучки Мария Александровна переехала в Нижний Новгород и поселилась в доме Пешковых, помогала вести хозяйство и ухаживать за детьми. В конце 1903 года семья Пешковых распалась. Алексей Максимович уехал в Петербург, начав новую жизнь с актрисой МХТ Марией Федоровной Андреевой. Развода не было; Екатерина Павловна оставалась единственной официальной женой А.М. Горького. Дружеские отношения между ними скоро восстановились и продолжались на протяжении всей жизни. Алексей Максимович сохранял свои материальные обязательства перед женой и сыном.

Историко-культурная и научная актуальность готовящегося издания обусловлена его новизной, яркостью и культурной значительностью участников переписки. К публикации предложены прежде не издававшиеся эпистолярный и мемуары выдающихся деятелей культуры России и Беларуси – представителей семьи А.М. Горького и А.Е. Богдановича. Торжественная передача копий документов в Минске приурочена ко Дню единения народов России и Белоруссии, который отмечается ежегодно 2 апреля - в день подписания договора о создании сообщества Беларуси и России в 1996 году.

Д.С. Московская,
д.ф.н., зам директора науке ИМЛИ РАН

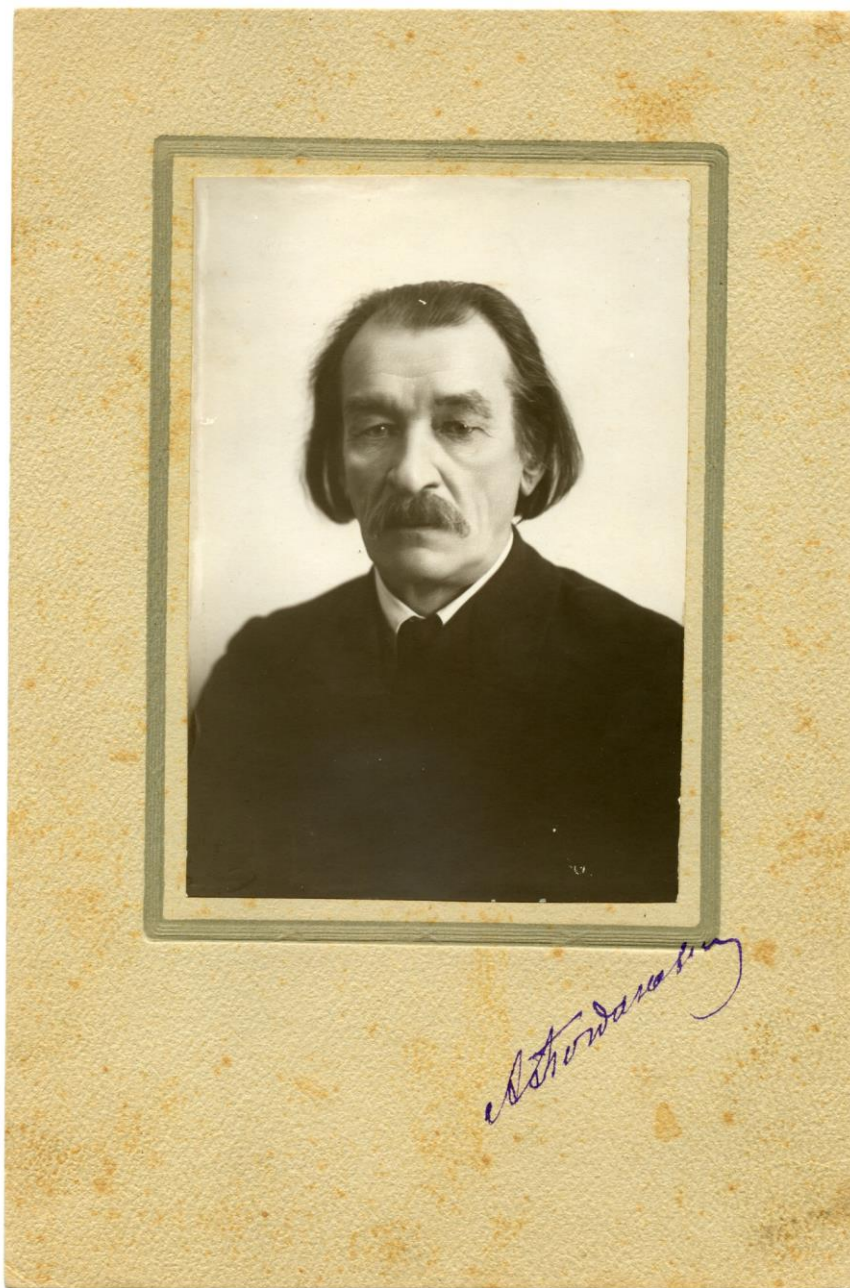
С 1907 по 1914 гг. Екатерина Павловна жила с сыном за границей, преимущественно в Париже. Посещала в Сорбонне курсы французского языка для русских и лекции по социальным наукам. Работала в организованном В.Н. Фигнер кружке помощи каторге и ссылке. После начала Первой мировой войны вернулась из Италии в Россию. Являлась влиятельным членом партии эсеров и после разгрома партии хранила ее архив до изъятия его Дзержинским. С 1914 г работала в организациях помощи раненым, в Красном Кресте. С 1917 г. была главой воссозданного в новом качестве Политического Красного Креста, получившего название Московское общество Красного Креста для помощи политическим заключенным. С 1922 г. возглавила организацию Помощи политическим заключенным, просуществовавшую до 1937 г. В последние годы жизни – консультант Архива А.М. Горького ИМЛИ им. А.М. Горького.

Волжина (в замужестве Богданович) Александра Павловна (1879–1899) – младшая сестра Екатерины Павловны. В доме Пешковых познакомилась с Адамом Егоровичем Богдановичем, близким другом семьи Пешковых. В конце декабря 1898 г. вышла за него замуж. В ноябре 1899 года, через два дня после рождения ребенка, Александра Павловна Богданович скончалась в возрасте 19 лет. Мальчик, названный в память матери, Александром, Шуриком (Шурой родные звали Александру Павловну), рос в семье Пешковых. Его воспитание взяла на себя Екатерина Павловна. В марте 1902 г. ребенок умер от инфекционного заболевания.

А.Е. Богданович - автор мемуаров «Из жизни Алексея Максимовича Пешкова (Максима Горького). Воспоминания. Нижегородский период (1896–1904)». Воспоминания о М.Горьком дополняют такие материалы, как «Клочки воспоминаний о Максиме

Горьком», «В последние годы. Странички из жизни А. М. Горького», «М. Горький и Ф. И. Шалапин в Нижнем. Отрывок из воспоминаний», «Странички из жизни Алексея Максимовича Пешкова / Горького» и т. д., которые хранятся в фондах Литературного музея Максима Богдановича в Минске и планируются к изданию в рамках проекта.

Переписка Адама Егоровича с будущей женой, Александрой Павловной Волжиной, – хранилась в личном архиве Пешковой, вошедшем в основной фонд Архива Горького. 58 писем (58 ед. хр.) А.Е. Богдановича (май – декабрь 1898) и 53 (53 ед. хр.) письма А.П. Волжиной (май 1898 – июль 1899), ранее не публиковавшиеся, переданы Е.П. Пешковой из семейного архива Павлом Адамовичем Богдановичем. 98 писем (112 ед.хр.) Богдановича к Екатерине Павловне Пешковой, написанных в период 1900–1940 гг., рассказывают о неизменной дружбе, связывавшей их в течение многих лет. Многолетняя переписка А. Е. Богдановича и А.М. Горького охватывает период с 1925 г. по 1936 г. – год смерти А.М. Горького – общим числом 51 письмо (61 ед. хр.) Письма Богдановича к Горькому и Крючкову (29 писем – 29 ед. хр., 1930-1937) никогда прежде не публиковались,

служа источником для комментариев писем А.М. Горького в издаваемом в ИМЛИ РАН собрании сочинений писателя.

Культурная и познавательная ценность публикуемого эпистолярного произведения определяется его нетривиальным содержанием. Так переписка юной Александры с женихом, который был старше его на 18 лет, приоткрывает глубоко личные, доступные некогда только двоим влюбленным тайны сердечных радостных переживаний, мучительных тревог, восторженных надежд и ожиданий. Имевший опыт семейной жизни, познавший всю полноту счастья общения с любимой женщиной, Богданович столкнулся с целомудренно чистым, детски невинным представлением о любви 18-летней девушки. Увлеченная красотой, умом и талантами взрослого мужчины она не была готова к браку и узнавала и готовила себя к нему в многостраничной исповедальной переписке с любимым. «Я люблю тебя всю, твою душу, но и тело, понимаешь ли, солнышко? Ты для меня единая и неразделимая. О. если бы ты так меня любила!.. Солнышко, ведь я плакал над твоим письмом, плакал, говорю это не стыжусь. <...> солнышко, я не хочу ангельской любви, когда мы будем ангелами, мы будем любить по-ангельски, а теперь я человеческое существо и душой и телом, и желаю любви настоящей, человеческой, а не какой-то благочестивой фальсификации» - писал А. Богданович любимой 2 июня 1898 г. из Нижнего Новгорода в Саратов.

Письма с их бытовыми деталями оживляют прошлое, преодолевая разделившее нас от времени Горького столетие. Вот перед нами семейная сцена, а читатель – безмолвный свидетель семейного спора: «Я догадываюсь, чего твоя мама хочет, она хочет для тебя беспечального житья, т.е чисто скотоподобного существования. Она понимает и чувствует, что ты, будучи моей женой, ничего подобного не найдешь, и считает тебя, разумеется, обреченной на жертву. Она ругает меня в письме к Кате, что я склоняю тебя к браку.... Я и она – два совершенно разных миров. Выехать в Москву на свидание – это малодушие, недостойное нас. Ты действуй, а не рассуждай. Катерина Павл. сказала, чтобы я попросил Ал. Макс. написать маме увещательное письмо, что она его послушается. Я сказал, что не сделаю это. Катя мне говорила, что писала тебе, прося у нее остановиться. С точки зрения приличий, это разумеется удобнее. Но если ты не считаешь нужным с ними считаться, то <...> с моей точки зрения так и надо. Катя сказала мне, что она писала маме и просила не ставить тебе никаких препятствий. <...> Я передал Кате, что ты писала об отношении мамы к нашему браку. Она говорила, что так же было, когда она собиралась выходить за Алексея Максимовича».

Готовил Богданович будущую жену к встрече с детьми от первого брака, рассыпая в своих письмах свидетельства о неотступном своем внимании к оставленным на попечении сестры умершей супруги Льву и Максиму. Эти эскизные зарисовки особенно ценны для памяти первого белорусского поэта, столь мало документированной и столь ценной для историков белорусской и мировой литературы XX века. В 1904 году он сообщает в письме к Екатерине Павловне: «Максим много читает. А Лев весь погрузился в математику. Максим занимается гуманитарными науками, пишет белорусские стихи. Пишет красиво, не без таланта, и даже считается новатором в бледной белорусской литературе. Лева грубоватый, Максим более нежный и женственный. Оба любимы товарищами, в общении славные парни. Жизнь ведут почти затворническую. Максим слабогруд, просидел зиму всю в Ялте». В письме 1923 г. он глухо упоминает о том, что отправляется в Белоруссию, куда везет «все рукописи и реликвии» Максима.

Бытовые черты, открывающие нам молодого писателя Пешкова, сотрудника «Листка», дороги отсутствием неизбежной для воспоминаний лакировки – следствия забвения или давления времени. Это «другой» Горький из ранних писем Богдановича.

В письме от 19 октября 1898 г. он сообщает: «Мы <...> пошли погулять на Оку. А там вблизи квартира Пешковых. Мы и зашли навестить их. Алексея Максимовича не было дома, он был в редакции «Листка», в котором он взялся писать фельетоны за 100 руб. с листа. Теперь он по утрам ходит в редакцию. <...> Катерина Павловна оставила меня на пироги. Я хотел идти дальше, но она стала сердиться. Пришел Алексей Максимович, раздражительный, после нарыва, который еще не созрел. Дело в том, что он взялись не за свое дело: он не умеет писать фельетоны, они у него слишком искусственны, фальшивы, да и материала подходящего не хватает, кроме того обидно, что здесь ему какой-то Е** может делать замечания и указания. Но деньги надобны <...> Дело подневольное – и он злится весьма. Скоро он его, конечно, бросит, при первой денежной возможности».

Бодрая тональность дореволюционных писем Богдановича сохраняется в 1920-х гг., когда он возобновляет переписку с Горьким, пребывавшим по настойчивой рекомендации В.И. Ленина за границей, в итальянском Сорренто. Богданович комментирует только что вышедшие из печати автобиографические повести Горького «Мои университеты», обсуждает сцены, вызвавшие критику: пьяная оргия с раздеванием женщин – «это почти бытовое явление, о таких вещах много писали, и странно было бы, чтобы художник-бытописатель стыдливо обходил их, тем более, что это связано с его личными переживаниями», вносит уточнения в фактологию: «Вас арестовали не ранней весной 97 года, а в мае, кажется 10, 1898 года. Сообразите, в 96 году была Нина Горядская? После этого, после всего Вы, заработав деньги, женились на Екатерине Павловне, 15 января 97 года вы уехали в Крым лечиться, оттуда <...> к Хворостовой-Орловской на Псел, где и родился Максим, кажется 30 июля 1897 года. Оттуда поездка в Тверь <...> оттуда в январе 98 г. поездка в Нижний, ко мне. Из этого образчика ясно, что я мог бы играть роль Эккермана при Вашей особе, - ко крайней мере за 10 лет. Мне жаль, что Вы не так передали впечатление Короленки от Челкаша, как передавали когда-то в 96 году по свежей памяти. Вы передавали так. По прочтении Короленко присылает Вам записку. Когда Вы пришли, он, взяв со стола рукопись, только и сказал, прикрыв глаза: Хорошо, согласитесь, что это лучше. Жаль мне зажмуренных глаз. Пропала картина».

Он свободно, по-приятельски высказывает Горькому в ответ на его советы и рекомендации свои суждения о литературе и жизни... о самом Горьком: «говорят, что Вы влюблены в Италию и итальянцев. Может быть, особенно, если принять во внимание Вашу живую впечатлительность. Но думаю, что это чувство скорее головное, чем сердечное, значит поверхностное. Что касается меня, это несомненно. Полагаю, что и для Вас. На самом деле, что такое Венеция, Флоренция, кстати Сорренто – мертвые музеи или международные гостиницы. Что такое Лондон, Манчестер и проч.? Мировые фабрики и биржи, где производят и торгуют, а не живут сердцем и душой. Меня это интересует с точки зрения археологии, другие – статистически, не больше. А мои Холопеничи, Минск, Нижний - это другое дело, тут что ни шаг, то воспоминание, которое волнует и живо затрагивает сердечные струны. Романа Роллана почти ничего не читал. Взаялся было за его Жана Кристофа, но как узнал что история многотомная – бросил, скучно. Вообще говоря - из иностранцев читать нечего. Совершенно они не интересны. После Достоевского, Толстого, Чехова – потерял вкус к иностранцам. Бог с ними».

В письмах Богдановича мы найдем комментарий к такой свободе общения с мировой знаменитостью. 10 января 1926 г. в связи с 40-летием литературной деятельности Горького Богданович пишет: «Отрадно вспомнить, как скромно было начало <...> и как славно и бурно протекала Ваша жизнь за работой, переходя от победы к победе, вздымаясь все выше и выше до головокружительной высоты. Как хорошо, что у Вас голова не закружилась!. Как хорошо, что Вы все тот же милый, добрый, славный, отзывчивый, все тонко чувствующий, все понимающий Алексей Максимович! Может быть, в этом строе Вашей души лучшая доля вашей славы!»

В письмах к Горькому 1920-х годов заметны не зажившие следы мучительной раны от потери сына: «Сейчас по поводу одной жертвы – моего Максима – сейчас делаю скучнейшее дело, выписываю его статьи из ярославского «Голоса» для Института белорусской литературы. Работа гробокопательская. Между прочим, Максим в 13-14 лет писал Вам и, кажется, послал Вам книжку своих стихов. Не сохранились ли у Вас его письма?... Белорусы были бы весьма обрадованы».

Переписка с Горьким 1930-х годов, после возвращения писателя из Италии в Москву, иного тона. Статус организатора советской литературы, разрекламированная прессой близость Горького к власти накладывают отпечаток на стилистику писем Богдановича к другу. Они приобретают более официальный и неизбежно просительный оттенок. Одно из писем, от 24 июня 1931 г. уточняет дату ареста А. Богдановича в Ярославле: «среди других музейцев был арестован и привлечен к следствию местным отделом ГПУ. <...> я попал в общую массу интеллигенции, заподозренной в своей доброкачественности», однако стараниями Горького Богданович был вскоре освобожден.

С момента ареста и освобождения положение Богдановича предельно усложняется. Не достает денег, пропитания, нет дров, нет возможности публиковать труды. Переписка показывает, что в течение шести последних лет своей жизни Горький регулярно перечислял через П.П. Крючкова по 300-400 рублей из личных средств.

Письма к П.П. Крючкову и Горькому 1930-х гг. раскрывают творческую и научную жизнь А.Е. Богдановича. В письме от 1 октября 1931 г. он пересылает Горькому карты, где показывается скопление языков в системе Днепра, «этой большой дороге со множеством подъездных путей во все стороны. Густое месиво племен и языков! Раствор для славянских и русского народов. Глядя на эту разноязычную толчею, ясно становится, что здесь зародился праславянский и славянский языки, растекшийся потом широкой волною по разные стороны по разным речным системам. Из каких племенных и языковых элементов он сложился, нетрудно показать: имена рек это явственно говорят. Нетрудно установить, где сложился арийский и праарийский язык: поюжнее, в степях, между Доном и Дунаем, на большой дороге с Запада на восток и с Востока на запад». Заканчивая письмо с рассказом о главной работе своей жизни «Язык земли», он сообщает другу: «А параллельно <...> буду писать свои воспоминания – не столько о себе, сколько о белорусском народе: как он жил-был, что переживал, что переносил. Надо, чтобы он сам заговорил о себе, или, вернее, чтобы заговорило его прошлое».

В письме от 3 октября 1934 г. Богданович восторженно отзываясь о работе Первого Всесоюзного съезда советских писателей. В официальной риторике едва различима интонация защиты и даже наступления: «Также настоятельно необходимо издание периодических сборников и альманахов, посвященных творчеству национальных писателей: без этого не может быть единения и взаимного понимания. Переводы на русский язык будут пробным камнем высоты поэтического искусства наших поэтов, которые

склонны самодовольно застывать на своих скороспелых успехах, не совершенствуя своего вкуса. Также у национальностей мы, несомненно, найдем поэтические жемчужины свежих чувств и неведомых красот. Припомните ойротский эпос. Какая прелесть! Новый мир!» В этом нападении о специфической исконной национальной составляющей современного литературного творчества – отзыв-ответ на речь представителя белорусской делегации на съезде М.Н. Климковича, где прозвучало обвинение в адрес Максим Богдановича, названного глашатаем и певцом национальной буржуазии.

Забота о творчестве своих земляков старшего поколения, стремление защитить и помочь расцвету национальной литературы – одна из сквозных тем его писем к Горькому. Так 8 декабря 1935 г., поздравляя Горького с созданием Пушкинского комитета, он пишет: «...да из белорусов надо бы еще прибавить Якуба Коласа – наиболее талантливого из белорусских поэтов старого поколения».

Будучи старше Горького на 6 лет, 8 марта 1936 года, поздравляя писателя с 68-летием, Богданович просит, убежденный в том, что скоро умрет, а Горький будет здравствовать, чтобы тот позаботился о сохранении своего научного наследия: «не дайте погибнуть без следа этим моим трудам». Однако судьба распорядилась иначе. Богданович пережил друга на 4 года и стал его мемуаристом, собирателем бесценных крупиц памяти о том, кого Ромен Роллан назвал великим тружеником, принявшимся за работу еще до зари.

Готовящийся к изданию совместный российско-белорусский труд не ограничится публикацией эпистолярия. В планах издания – представление читателю недавно выявленных воспоминаний о встречах с А. Е. Богдановичем в 1920-х гг. на краеведческих съездах в Рыбинске, запечатлевшие его портрет и образ его мыслей о культурной общности и духовном родстве России и Беларуси: «Белорусы –, говорил Богданович, - особая ветвь – русаны, как и украинцы. У нас общее историческое прошлое, трудно делимое. Великая русская культура оттого великая, что у нее было три крепкие корня. Гоголь, Достоевский уходят корнями вглубь Украины и Белоруссии, точнее Литвы. Пушкин – он тоже наш, потому что вся русская культура – создание трех народов, в том числе и нашего. <...> У меня, у белоруса, была родиной вся Россия и родной ярославский край».